

УДК 94(47); 5.6.1. Отечественная история

Н.В. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет

БЫЛА ЛИ ОПАЛА КНЯЗЯ С.И. МИКУЛИНСКОГО В 1554–1558 ГОДАХ? К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ СТАТУСЕ ДВИНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА И КАЗАНСКОГО ВОЕВОДСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

В статье анализируется финальный этап служилой биографии кн. С.И. Пункова Микулинского. Автор полагает, что часть этого периода князь Семен Микулинский провел в опале. Через год после боярского «мятежа» 1553 г. он был сослан на наместничество в Холмогоры («на Двину»). К весне 1557 г. князя простили и назначили «большим» воеводой Казани. Окончательная реабилитация Микулинского состоялась в конце 1558 г., когда он возглавил поход в Ливонию. Схожим образом протекала опала другого участника «мятежа» 1553 г., кн. П.М. Щенятева. По ходу статьи рассматривается вопрос о статусе Холмогор и Казани в городской иерархии Русского царства.

Двина, Холмогоры, Казань, наместники, воеводы, служилая аристократия, князья Микулинские, Иван IV Грозный.

Князь Семен Иванович Пунков Микулинский – один из наиболее удачливых воевод Московского царства времени правления царя Ивана IV Грозного. За свою четвертьвековую службу он успел повоевать на крымском, казанском и ливонском «театрах боевых действий». И всюду – насколько позволяют судить источники – одерживал громкие победы над неприятелем¹.

Начав службу в 1533 г. воеводой в Туле, князь завершил боевой путь в одном из ливонских походов. От полученной на поле боя тяжелой раны 12 августа 1559 г. полководец испустил дух на пятидесятом году жизни.

1. Нерешенный спор: опала или пожалование?

В 26-летней служилой биографии князя Микулинского есть неясный эпизод, трактовка которого вызывает споры среди исследователей.

Первая половина 1550-х гг. – звездный час в «карьерере» Семена Ивановича. Он – наравне с князьями А.Б. Горбатым Суздальским и М.И. Воротынским – становится известен как один из героев «Казанского взятия». Полтора года спустя – как усмиритель татарско-черемисского восстания в Казанском крае. Наконец, в 1554 г. в жизни князя Микулинского происходит перелом. Его «разряжают» наместником «на Двину» (в Холмогоры), а позднее – первым («большим») воеводой в Казань. Вновь на полковой службе он появляется только с началом Ливонской войны, в декабре 1558 г.

В исторической литературе период жизни Семена Микулинского с 1554 по 1558 гг. оценивается с диаметрально противоположных позиций.

Д.М. Володихин предположил, что «блистательная карьера князя Микулинского прервалась по политическим причинам». Историк отметил, что летом 1554 г. пойманный при попытке бегства в Литву кн. С.В. Лобанов Ростовский назвал имя Микулинского в числе лиц, склонявшихся к присяге удельному князю Владимиру Старицкому во время боярского «мятежа» марта 1553 г. С этого времени Семен Микулинский был заподозрен в неблагонадежности и на четыре года лишен возможности занимать государственные и военные посты [13, с. 153–154]².

М.А. Зинько обратила внимание, что в эти годы князь Семен служил двинским наместником, причем повторно: впервые он побывал в Холмогорах несколько месяцев в 1552/53 г., сразу после триумфального взятия Казани. Исследовательница видит в назначении князя на Двину добрую волю Ивана IV: «отправление царем <...> на северную, стратегически важную границу государства одного из своих лучших воевод, знакомого с регионом, в годы появления там английских купцов представляется закономерным решением». Указала Зинько и на последующую воеводскую службу Микулинского в Казани, что также скорее «говорит о высокой степени доверия к нему со стороны государя». Наблюдения Д.М. Володихина М.А. Зинько сочла ошибочными: по ее словам, «ложные показания» кн. С.В. Ростовского «не повлияли на дальнейшую карьеру» кн. С.И. Микулинского [19, с. 76–77].

¹ Наиболее подробные биографические очерки о кн. С.И. Микулинском созданы Д.М. Володихиным [13, с. 123–156; 14, с. 236–269] и М.А. Зинько [19].

² Аналогично в переизданиях 2014 и 2016 гг.

В новейшем издании очерка о князе Микулинском Д.М. Володихин парировал упрек М.А. Зинько, заключив, что длительные «сидения» Семена Ивановича на Двине и в Казани – в городах, чрезвычайно удаленных от Москвы – все же свидетельствуют в пользу опалы служилого аристократа. «К важнейшим государственным и военным делам, – заключает историк, – его больше не допускали» [14, с. 265].

Ранее об опале кн. С.И. Микулинского в связи с его отправкой на Двину писали Н.Е. Носов [32, с. 352] и С.Н. Попов [45, с. 74–75]. Другие авторы оставили без внимания пятилетний «люфт» между активными полковыми службами воеводы [8, с. 146; 12, с. 265].

Полемика между Д.М. Володихиным и М.А. Зинько, важная для понимания внутривосточных процессов середины 1550-х гг., зашла в методологический тупик. Участники спора произвольно, без каких-либо конкретных аргументов, признают Двину (Холмогоры) и Казань то местами политической ссылки, то, напротив, «стратегически важными» пунктами.

II. Предполагаемая опала: исходные данные

Вопрос о том, соответствовал ли статус двинского наместничества и казанского воеводства уровню прежних служебных назначений князя Микулинского, историками не ставится³. Между тем представляется, что решение этой проблемы может стать ключом к интересующей нас «загадке Семена Микулинского»⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, скажем пару слов о времени службы кн. С.И. Микулинского в означенных городах.

Срок пребывания Микулинского в Холмогорах установлен Н.Е. Носовым: князь вступил в свои права после июля 1554 г. и оставался наместником до сентября 1556 г. [32, с. 352]. Нижнюю границу можно уточнить: в Холмогорской летописи Микулинский назван наместником зимой 1554/55 г. [44, с. 138]. Скорее всего, он прибыл в Холмогоры осенью 1554 г.: до 1 сентября с двинских волостей были собраны деньги «на дворную поделку наместнича двора» [53, с. 42] – описанная реконструкция, очевидно, затевалась в ожидании приезда на Двину нового наместника [32, с. 354].

С Казанью дело обстоит труднее. В официальном «Государевом разряде» из-за текстовых лакун Микулинский воеводой не показан. В частных же разрядных книгах время его воеводства привязано к разным датам⁵. Отбросив дублетные записи⁶, обнаруживаем,

что во всех разрядах кн. С.И. Микулинский отмечен казанским воеводой под 7066 г. (1 сентября 1557 г. – 31 августа 1558 г.) [50, с. 16; 51, с. 78]. По традиции перемена воевод в Казани происходила в весенние месяцы, чаще всего в апреле или мае⁷. Остается узнать, началось или же завершилось в 7066 (1557/58) г. «годование» в городе князя Семена Микулинского. В Пространной разрядной книге «смена» кн. С.И. Микулинского помещена после январского, а его преемника кн. А.И. Воротынского – после мартовского разрядов 1558 г. [50, с. 16]. Третий воевода в «смене» Микулинского, окольный С.В. Шереметев, умер во время службы в Казани (Там же, с. 16–17). Известно, что это произошло 8 октября 1557 г. [19, с. 77]. Предшественник Микулинского на посту первого казанского воеводы, кн. П.И. Шуйский, «годовал» в 7065 (1556/57) г. [50, с. 6]. В мае 1556 г. он остался служить в Казани [48, с. 159], а к июлю 1557 г. достоверно покинул город (Там же, с. 162). Исходя из этих хронологических выкладок, Семен Микулинский должен был заступить на воеводскую службу весной 1557 г. и оставить свой пост до весны 1558 г.

Итак, кн. С.И. Микулинский скорее всего не возвращался в Москву с осени 1554 г., когда началось его двинское наместничество, и вплоть до середины 1558 г., когда завершилось его пребывание на воеводстве в Казани.

Каких служебных высот достиг к этому времени Семен Микулинский?

В полевой армии князь неоднократно занимал должности первого воеводы Большого полка и других «титовых» полков. Во время осады Казани в 1552 г. он возглавлял Левую руку, уступая воеводское первенство лишь четырем аристократам: князьям И.Ф. Мстиславскому, П.М. Щенятеву, И.И. Пронскому и В.С. Серебряному Оболенскому; примерно равный с ним статус имел кн. М.И. Воротынский (Там же, с. 137).

В списке бояр Тысячной книги 1550 г. имя Семени Микулинского стоит на шестой позиции из двенадцати: впереди него записаны князья Д.Ф. Бельский, И.Ф. Мстиславский, П.М. Щенятев, Д.Ф. Палецкий, А.Б. Горбатый [60, с. 54].

Его служебная страта – первый десяток бояр и воевод. Политическая и военная элита страны.

Кто же занимал посты двинских наместников и «больших» казанских воевод до и после кн. С.И. Микулинского?

III. «Почетная ссылка»: Двина, 1554–1556

Вот списочный состав известных по источникам наместников «на Двине», от рождения Ивана IV до середины 1550-х гг., когда эта должность была упразднена⁸:

и В.В. Головина осенью 1579 г. [51, с. 300]. Случаи отмечены М.А. Зинько [19, с. 77].

⁷ Соответствующие наблюдения изложены в моей статье «Князь Петр Михайлович Щенятев – воевода Свяжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе Свяжской крепости в третьей четверти XVI века», принятой к публикации в 24-м выпуске ежегодного альманаха «Историческое обозрение».

⁸ Персональный состав двинских наместников установлен Н.Е. Носовым [32, с. 327–366], А.А. Зиминым [16, с. 274] и Т.И. Пашковой [36, с. 137–138]. Приведенный ниже список лишь уточняет отдельные датировки и ссылки на источники.

³ Проблема местничества отдельных городовых воеводских назначений XVI в. рассмотрена в новейших работах Ю.М. Эскина [62, с. 263], А.А. Богомазовой и Д.М. Володихина [9], К.Э. Аксаяна [2], Н.В. Белова [6].

⁴ Результативность сравнительного подхода при изучении служебных назначений русской знати конца XV – начала XVII вв. продемонстрирована в новейших исследованиях Н.А. Подчасова [40], К.Э. Аксаяна [3], Н.В. Белова [7].

⁵ В связи с этим в исследовательской литературе существует разногласие. В.Д. Корсакова отнесла службу Микулинского в Казани к 1558 г. [24, с. 2], И.П. Ермолаев – к 1-й половине 1557 г. [15, с. 29], М.А. Зинько – к зиме 1557/58 г. [19, с. 77], Д.М. Володихин – к 1557/58 г. [14, с. 265].

⁶ В РК 1550–1636 г. дублет под 7068 г. [51, с. 101–102]. Эта же ошибочная дата фигурирует в местническом «деле» Р.Д. Бутурлина

кн. П.Ф. Охлябинин (VI.1530; 1531/32; X.1547; весна 1548) [52, стб. 20; 49, с. 232; 20, с. 402–403]⁹;
И.А. Чеботов (VIII.1530) [54, стб. 221];
В.Д. Шеин (1531/32) [49, с. 232];
кн. И.В. Токмак Ноздреватый (VIII.1532) [54, стб. 205];
кн. И.М. Шуйский (1533/34; XII.1535) [44, с. 136, 149, 167; 57, стб. 69];
И.Д. Шеин (XII.1535) [57, стб. 69];
В.М. Воронцов (1542/43) [44, с. 149, 167]¹⁰;
И.В. Полев (1542/43) [44, с. 149, 167];
Г.В. Морозов (V.1547; X.1547) [20, с. 401, 402–403];
кн. Д.М. Жижемский (VIII.1547) [57, стб. 118]¹¹;
кн. И.М. Курбский (1548/49) [44, с. 137, 149, 168];
кн. Ю.И. Деев (XII.1548) [53, стб. 24]¹²;
кн. С.И. Пунков Микулинский (зима 1554/55) [44, с. 138].

Из 12-ти предшественников Семена Микулинского ни один не имел боярского чина и ни разу не возглавлял «титульные» полки, тем более – самостоятельные полевые соединения. Каков был карьерный «потолок» этой группы служивцев на момент их отправки на Двину? По «лестнице придворных чинов» выше прочих стоял Григорий Морозов, обладатель думного чина окольного. В военной иерархии наиболее почетное место занимал князь Петр Охлябинин, несколько раз дослужившийся до ранга второго полкового воеводы. Прочие же на подобные высоты не претендовали. Это по большей части дети боярские или измелчавшие князья – как, например, Иван Курбский и Юрий Деев, в 1550-е гг. записанные в тысячники 2-й статьи. Их положение в армейской структуре – должность полкового головы либо, в случае с князем Дмитрием Жижемским, второстепенного городского воеводы. Исключение в этом ряду составляет князь Иван Шуйский по прозвищу Плетень. Блестящий аристократ, боярин, воевода очень высокого порядка, близкий к особе царя. Таковым Иван Плетень стал в 1550-е гг. – по праву рождения [1, с. 72–73]. Его же наместничество в Холмогорах – одно из первых назначений молодого неопытного вельможи¹³. Более того: по предположению Х. Рюсса [63, с. 409], поддержанному М.М. Кромом [25, с. 139] и К.Э. Аксаныном [3, с. 53], князь Иван Михайлович получил этот пост в связи с опалой старшего брата Андрея Честокола, обвиненного в попытке «отъезда» к удельному князю Юрию Ивановичу Дмитровскому.

Получается, что князь Семен Микулинский не просто превосходил всех прежних двинских наместников по служилому статусу, но – превосходил многократно. Едва ли кто-то из них в момент своей службы на Двине мог даже помыслить о тех назначениях и политическом весе, которыми обладал Микулинский.

Все они – либо третьестепенные члены Государева двора, представители среднего командного состава, либо, как князь Иван Шуйский и отчасти Григорий Морозов, молодые и не поднаторевшие в административной и военной деятельности аристократы. Находившийся в зените славы и на пике своей служебной активности, Микулинский явно не приходился им ровней.

Двухлетнее пребывание кн. С.И. Микулинского в Холмогорах трудно расценивать иначе как опалу. Тем более в контексте летописного известия об упоминании имени Семена Ивановича арестованным князем Ростовским¹⁴. Между показаниями Ростовского и вероятной отправкой Микулинского в Холмогоры менее двух месяцев – совсем небольшой срок.

Говоря о двинской «посылке» Семена Микулинского, М.А. Зинько подчеркнула, что князь уже служил в далеком северном крае сразу после победоносного Казанского взятия, в 1552/53 г. Исследовательница опирается на известия поздних двинских летописей. Аргументы Н.Е. Носова о невозможности этой службы Микулинского и, соответственно, ошибке летописца, Зинько отвергает как «в целом неубедительные» [19, с. 77]¹⁵. Зинько полемизирует с отдельными доказательствами Носова, фактически игнорируя комплексные наблюдения историка. Главный довод Н.Е. Носова состоит в следующем. В начале 1552 г. в Двинской земле была осуществлена земская реформа, сопровождавшаяся отменой института наместничества, – это хорошо видно из активной документации последующих лет. Наместничество было восстановлено лишь с прибытием в 1554 г. на Двину князя Семена Микулинского [32, с. 350–354; 33, с. 70–73].

Прибавим к этому соображения иного рода. 2 октября 1552 г. Микулинский участвовал в штурме Казани, во время которого был «уязвлен <...> ранами многими, но не смертными» [43, стб. 155]. Царь Иван IV вернулся в Москву 29 октября [41, с. 314] – едва ли раньше из Казанского похода мог возвратиться князь Микулинский. Уже 2 июня 1553 г. Семен Микулинский стоит с войсками в Серпухове, на южной границе страны [48, с. 141]. Если верить путаному летописному сообщению, Семен Иванович должен был наместничать в Холмогорах где-то в промежутке с ноября по май. За вычетом времени на дорогу до Двины и обратно выходит – считанные месяцы. Это сильно непохоже на традиционное наместничье «годование». Кроме того, князь должны были еще успеть «разрядить» воеводой на южные рубежи, следовательно, он появился в Москве задолго до начала июня. То есть максимально возможный срок гипотетического наместничества Микулинского на Двине сокращается еще более.

Присмотримся, наконец, к источнику, на который в данном случае опирается М.А. Зинько. Известие о пребывании кн. С.И. Микулинского в Холмогорах в 1552/53 г. отразилось в ряде памятников севернорусского летописания. Из несохранившейся Двинской

⁹ В двух последних случаях упомянуто только имя, атрибуция предложена Т.И. Пашковой.

¹⁰ Без даты в Житии Антония Сийского [55, с. 282].

¹¹ Без даты в Житии Антония Сийского [55, с. 281].

¹² В работах Н.Е. Носова и Т.И. Пашковой ошибочно: декабрь 1549 г.

¹³ Кн. И.М. Шуйский в 1531–1532 гг. возглавлял отряды на крымской «украине» – у «Сенькина перевоза» и на р. Угре [48, с. 76, 77, 81].

¹⁴ О «деле» кн. С.В. Ростовского и его показаниях см., напр. [58].

¹⁵ Об этом первом «сидении» Микулинского на Двине теперь, вслед за М.А. Зинько, пишет и Д.М. Володихин [14, с. 263, 265].

летописи (либо связанной с ней местной хроники) оно перешло в поздние сочинения XVII в.¹⁶: Летописец Иова Иванова [64, р. 18], Краткий летописец Двинских воевод [44, с. 145] (оба – 1650–1660-х гг.) и Двинской летописец [44, с. 149, 168] (1670-е гг.). Конец этой летописной статьи, как верно заметил Н.Е. Носов, говорит об установлении на Двине земского самоуправления [31, с. 154–155; 32, с. 355–358; 33, с. 72; 34, с. 71–72]. Если летописное сообщение верно, получается, что, едва освободив двинян от власти наместников в начале 1552 г., Иван IV в том же году вновь вводит наместничье управление с тем, чтобы еще через несколько месяцев опять его отменить и снова ввести к осени 1554 г.! Подобная административная чехарда кажется маловероятной. Скорее всего, под пером северного летописца объединились два одновременных события: первое дарование двинянам местного самоуправления в 1552 г. и окончательная реализация на Двине земской реформы, свершившаяся в 1556 г. после отъезда князя Микулинского.

Таким образом, у нас нет серьезных оснований считать, что в 1552/53 г. Семен Микулинский пребывал на посту двинского наместника¹⁷. Впервые он оказался в Холмогорах осенью 1554 г., причем для этого по царскому приказу на Двине было временно восстановлено наместничье управление. Несоответствие высокого статуса Микулинского сравнительно низкому служебному рангу других двинских наместников вкуче с известием о его «выдаче» царю князем Семеном Ростовским подсказывает, что он был сослан в Двинскую землю в результате политической опалы.

IV. «Политический карантин»: Казань, 1557–1558

После возвращения с Двины кн. С.И. Микулинский получает пост первого («большого») воеводы Казани – фактического главы новоприсоединенного Казанского края.

Для того чтобы ответить на вопрос, продолжал ли Семен Микулинский находиться под тяжестью царской немилости, рассмотрим социальный состав «больших» казанских воевод в 1552–1565 гг.: от взятия Казани до учреждения опричнины и превращения территории Среднего Поволжья в место ссылки неугодных царю аристократов.

Список воевод Казани надежно задокументирован разрядными книгами и актовым материалом. Наиболее полный его вариант реконструировал И.П. Ермолаев [15, с. 28–30].

¹⁶ Текстология двинских летописей рассмотрена в работе Я.С. Лурье [26, с. 145–146].

¹⁷ В диссертационном исследовании М.А. Зинько содержится еще один аргумент в пользу службы кн. С.И. Микулинского на Двине в 1552/53 г. Зинько пишет, что «князь Семен Иванович не присягал царевичу Дмитрию Ивановичу во время болезни царя Ивана IV Васильевича в марте 1553 г., поскольку наместничал в г. Холмогоры» [18, с. 146]. Однако князь Семен Ростовский прямо называл Микулинского участником мартовского «мятежа» в Думе. Несмотря на то что князь Ростовский, кажется, славился скромными умственными способностями [58], перепутать местонахождение Микулинского в марте 1553 г. было едва ли возможно. Тем более трудно обвинить в «скудости разума» царя Ивана IV, являвшегося инициатором внесения в Синодальный том Лицевого свода приписки о поимке и допросе Семена Ростовского и не сомневавшегося в причастности Микулинского к боярскому «мятежу».

В рассматриваемый период «большими» казанскими воеводами являлись¹⁸:

кн. А.Б. Горбатый Суздальский – боярин, в ТК 5-й, в ДТ 12-й;

кн. Ю.М. Голицын Булгаков – боярин, в ДТ 9-й;

кн. М.В. Глинский – боярин, в ТК 8-й; в ДТ 21-й;

кн. П.И. Шуйский – боярин, в ТК 7-й, в ДТ 13-й;

кн. С.И. Пунков Микулинский – боярин, в ТК 6-й, в ДТ 23-й;

кн. А.И. Воротынский – боярин, в ДТ 60-й;

кн. Ю.И. Темкин Ростовский – боярин, в ДТ 15-й;

кн. И.А. Куракин Булгаков – боярин, в ДТ 18-й.

Как видим, все они – бояре (причем зачастую первостепенные), на регулярной основе занимавшие высшие места в административной и военной сферах. Некоторые из них не только равны по «чести» Семену Микулинскому, но и превосходят его, как, например, князь Александр Горбатый [12, с. 269–271].

Усматривать в этом назначении кн. С.И. Микулинского признаки продолжавшейся опалы едва ли возможно. В доопричный период Казань – один из наиболее статусных городов Русского царства, администраторы которого стояли вровень с наместниками Великого Новгорода и других крупнейших центров страны [2, с. 5; 14, с. 145]. Период казанской службы князя Семена Ивановича – еще не амнистия. Скорее – «политический карантин». Микулинского уже простили, но до поры до времени решили придержать подальше от Москвы и полевой армии.

V. Амнистия и гибель: от Ливонии до Оки, 1558–1559

Пребывание Семена Микулинского в Казани длилось около года. Скорее всего, он вернулся в столицу весной 1558 г., когда должна была произойти перемена казанских воевод.

В декабре этого года после пятилетнего перерыва князь Микулинский вновь оказывается на полковой службе. На северо-западной границе Русского царства началась война с Ливонским орденом, и военный талант Микулинского опять стал востребован. Семен Иванович встает во главе пятиполковой рати и совершает фантастически успешный поход в ливонские земли [48, с. 175]¹⁹. Увы, последний в своей жизни. В одной из схваток князь получил серьезное ранение шеи, от которого и скончался несколько месяцев спустя.

Блистательного полководца не стало 12 августа 1559 г. в возрасте 49-ти лет²⁰.

¹⁸ В приведенном ниже перечне указывается место аристократа в боярских списках Тысячной книги (ТК) и Дворовой тетради (ДТ), по изданию [60, с. 54, 111–113].

¹⁹ Наиболее подробно события этого похода рассмотрел В.В. Пенской [38, с. 90–100].

²⁰ По словам автора Казанской истории, кн. С.И. Микулинский «мужественно воевал на ливонских немцы, и смертную язву отгуду на вые своей принесе, и скончался на Москве, в пятидесятое лето века своего» [43, стб. 137]. Ливонский поход князя Семена завершился 17 февраля 1559 г. [47, с. 238]. В Москву он вернулся не ранее марта [42, с. 317]. Весной, сразу по приезде в столицу, Микулинский был назначен первым дворцовым воеводой на крымский рубеж [48, с. 182]. Умер князь Семен Иванович 12 августа того же года, почти через шесть месяцев после возвращения из похода на Ливонию [39, с. 145], что отмечено М.А. Зинько [19, с. 73]. На эту дату в Кирилловом монастыре по душе князя установлен корм [56, с. 85; 23, с. 131, 321, 337].

Обстоятельства кончины Семена Микулинского стоит прояснить. Весной 1559 г. он еще на военной службе – возглавляет царский Двор на Оке, в ожидании возможного столкновения с крымскими татарами [48, с. 182]²¹. Очевидно, полученная в боях с ливонцами рана привела к серьезным осложнениям. Где-то в летние месяцы, незадолго до своей смерти, князь Семен решил на иноческий постриг²². Синодик Троице-Сергиева монастыря на исходе 7067 (1559) г. отмечает преставление «князя инока Сергия» с киноварной пометой: «князь Семен Иванович Микулинской» [30, л. 81 об.].²³ Аналогичные указания встречаются в синодиках, вкладных и кормовых книгах других монастырей [56, с. 85; 23, с. 131, 145, 321, 337; 59, с. 53; 4, л. 26]; иноческое имя князя высечено и на его каменном надгробии [39, с. 145]. Князь Семен шел по стопам своего старшего брата Дмитрия, смертельно раненого при штурме Казани 2 октября 1552 г. и принявшего, вероятно, на смертном одре, постриг с именем Дионисий [10, с. 175; 30, л. 209 об.; 35, л. 53]. Где именно Семен Микулинский надел на себя иноческий клобук – неясно. Однако же огромный земельный вклад его вдовы, княгини Евдокии, в Троице-Сергиев монастырь «по приказу мужа своего»²⁴, а также упоминание в троицкой вкладной книге духовной грамоты князя [11, с. 83] дают основание полагать, что свои дни он завершил в подмосковной обители Св. Троицы. Тело Семена Ивановича было погребено в белокаменном Архангельском храме Микулина, сердце его родовой вотчины [39, с. 145].

VI. Еще раз об опале: свидетельства боярских списков

Оглянемся еще раз на финал жизни кн. С.И. Микулинского. Кажется, что он был прощен Иваном IV сполна и вполне искренне. Во всяком случае, позднее, в эпоху Особого двора (а именно в 1574 г.), царь вспоминал полководца добрым словом. Он ценил его воеводское умение очень высоко [46, с. 194]. На похоронах князя Иван IV проводил гроб усопшего «с плачем и слезами» [43, стб. 137]²⁵.

²¹ Об этом разряде см. у В.В. Пенского [37, с. 89–91].

²² Этот факт не отмечен биографами князя: В.А. Волковым, Д.М. Володихиным и М.А. Зинько. Между тем он хорошо известен исследователям синодиков и других церковных поминальных книг. Писал о нем и С.Н. Попов, правда, со ссылкой не на источники, а на краеведческое сочинение середины XIX в., т.н. «Микулинскую летопись» [45, с. 75].

²³ То же в родовых «памятях» князей Микулинских других троицких помятников: синодика 1630-х гг. [29, л. 63], синодика 1660 г. [28, л. 66] и др.

²⁴ См. копию вкладной грамоты [27, л. 270 об.–271 об.] и запись во вкладной книге [11, с. 83]. О земельных владениях князя см. [61, с. 126, 136, 216; 17]. Земельный вклад княгини Евдокии «по муже своем князе Семене и по его родителех, и по себе» датирован 1566/67 г. Связано ли его совершение с царской политикой опричнины – неясно. Скорее возможен другой вариант: в недатированной части древнейшего Троицкого синодика имя Евдокии Микулинской записано вскоре после имени другой Евдокии, жены боярина И.В. Большого Шереметева, умершей где-то на исходе 1567 г. [30, л. 113 об., 114; 11, с. 78]. А значит, Евдокия Микулинская могла дать вклад в предчувствии своей скорой кончины – за считанные месяцы до ее наступления.

²⁵ Эти «свидетельства об уважительном отношении к князю царя Ивана IV», по М.А. Зинько, лишь подчеркивают, что кн. С.И. Микулинский не подвергся опале и был доверенным лицом монарха [19, с. 77–78]. Однако считать так – значило бы сильно упрощать

Так, быть может, опалы 1554 г., приведшей Микулинского на двинское наместничество, и не было вовсе?

К счастью, у нас есть и другие свидетельства царской немилости, помимо озвученных выше «социологических» выкладок. И свидетельства эти не менее красноречивы.

Сравним положение Семена Микулинского в боярских списках Тысячной книги и Дворовой тетради. Первый из этих документов появился на свет в 1550 г., то есть за три-четыре года до предполагаемой опалы князя [22, с. 50]. В нем Микулинский занимает шестое место из 18-ти [60, с. 54]. Перечень бояр Дворовой тетради гораздо более обширен и включает имена 66-ти аристократов. Отчасти это связано с длительным периодом использования этого учетного документа, отчасти – с расширением состава Думы в 50-е гг. XVI столетия [21, с. 12, 22]. Интересующий нас фрагмент Дворовой тетради был составлен приблизительно между июлем 1553 г. – августом 1554 г., когда князя Микулинского постигла царская немилость²⁶. В списке бояр Дворовой тетради Семен Иванович указан 23-м [60, с. 112].

За считанные годы Микулинского обошли в «честь» многие из тех вельмож, что были прежде записаны на более низких позициях. Это – практически все стоявшие после князя Семена бояре: кн. В.М. Глинский, кн. И.И. Пронский, И.С. Воронцов, Г.В. Морозов, В.М. Юрьев. В боярской иерархии Семен Микулинский опустился на тот уровень, который в Тысячной книге 1550 г. соответствовал 13–14-му местам, чуть выше И.В. Меньшого Шереметева, И.П. Федорова и Д.Р. Юрьева.

Формальное понижение придворного статуса кн. С.И. Микулинского в 1-й половине 1550-х гг. очевидно. К сожалению, невозможно оценить реальный уровень его воеводских назначений после снятия государственной опалы, поскольку князь скончался в скором времени после возвращения на службу.

VII. Ссылки 1553/54 г.: от частного случая к политической модели

Подведем итоги наших разысканий. Князь Семен Иванович Микулинский, один из первейших бояр и воевод Российского государства, в результате следствия по «делу» князя Семена Ростовского летом 1554 г. был заподозрен в связях с удельным князем Владимиром Старицким. Очевидно, осенью этого года Микулинского отправляют на Двину, в Холмогоры. Анализ социального состава двинских наместников 1-й половины XVI в. показывает, что это назначение являлось для Семена Микулинского в местническом отношении, несомненно, ущербным. На Двине князь пробыл до сентября 1556 г. Весной

отношения Ивана Грозного с русской знатью. Нам известен пример главы Думы, кн. И.Д. Бельского, схваченного при попытке бегства в Литву, проведшего некоторое время в опале и впоследствии полностью вернувшего себе кредит доверия и уважение со стороны царя [5, с. 48–52].

²⁶ Датировка документа предложена А.Л. Корзининым. По наблюдению историка, ядро боярского списка Дворовой тетради фиксировало имена думных людей в порядке их местнического старшинства [21, с. 20, 22].

следующего 1557 г. Микулинский становится первым («большим») воеводой Казани. Этот пост всецело соответствовал прежнему уровню служебных назначений Семена Ивановича, а потому представляется, что к этому времени князь был прощен, хотя еще и не до конца – на протяжении года он по-прежнему оставался вдали от Москвы и полевой армии²⁷. Окончательная реабилитация Микулинского происходит в конце 1558 г., когда его назначают первым воеводой Большого полка в Ливонии. В этой экспедиции он получает смертельную рану и умирает 12 августа 1559 г. Последствия временного падения Семена Микулинского видны из сопоставления боярских списков Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 1553/54 г. – в результате опалы князя обошли «в чести» по меньшей мере пятеро думских бояр.

Судьба кн. С.И. Микулинского напоминает аналогичный случай из жизни другого высокородного аристократа, кн. П.М. Щенятева. Последний также был уличен Иваном IV в политической неблагонадежности во время мартовского «мятежа» 1553 г. Произошло это незадолго до попытки бегства в Литву кн. С.В. Ростовского. До июня 1554 г. Петр Щенятев был сослан на наместничество в Устюг. К осени 1555 г. Щенятева простили и назначили первым воеводой Большого полка в поход против шведов, хотя какое-то время он и занимал в военной иерархии менее почетные места, чем до устюжской ссылки [6, с. 23–24].

Из этого можно сделать вывод, что опалы обоих вельмож, произошедшие в одно время, по одной причине и имевшие сходные итоги, протекали по единому сценарию, авторами которого были царь Иван IV и его ближайшее окружение.

Литература

1. Аксанын, К. Э. К вопросу о словах Ивана IV относительно периода «Боярского правления»: противоречие между заявлениями царя и карьерой князя И. М. Шуйского / К. Э. Аксанын // Историческое обозрение. – Москва : НП «Историко-просветительское общество “Радетель”» ; Издательство Национального института бизнеса, 2018. – Вып. 19. – С. 70–73.
2. Аксанын, К. Э. К вопросу о статусе городских воеводских назначений в конце XV – начале XVII в. (по разрядным записям назначений в Великие Луки) / К. Э. Аксанын // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2020. – № 4. – С. 3–16.
3. Аксанын, К. Э. Военно-служилая деятельность князей Шуйских в зеркале разрядных источников (1560-е – 1610 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Аксанын К. Э. – Москва : [б. и.], 2021. – 283 с.
4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. – Колл. 2. – Оп. 1. – № 125. – Вкладная книга Соловецкого монастыря 1601 г.
5. Белов, Н. В. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского / Н. В. Белов // Вестник «Альянс-

Архео». – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2018. – Вып. 26. – С. 47–55.

6. Белов, Н. В. Князя Щенятевы – наместники Великого Устюга XVI века. К вопросу о статусе устюжского наместничества в правление Василия III и Ивана IV / Н. В. Белов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 4 (19). – С. 21–26.

7. Белов, Н. В. Еще раз о Федоре Юрьевиче Щуке Кутузове, воеводе Василия III / Н. В. Белов // Novogardia. – 2021. – № 1 (9). – С. 116–146.

8. Богданов, А. П. Опальные воеводы / А. П. Богданов. – Москва : Вече, 2008. – 352 с.

9. Богомазова, А. А. К вопросу о роли Соловков как военного форпоста России в XVI веке. Первые соловецкие военачальники – оценка их статуса в исследовательской литературе / А. А. Богомазова, Д. М. Володихин // Историческое обозрение. – Москва : НП «Историко-просветительское общество “Радетель”» ; Издательство Национального института бизнеса, 2018. – Вып. 19. – С. 74–80.

10. Бычкова, М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование / М. Е. Бычкова. – Москва : Наука, 1986. – 220 с.

11. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Издание подготовили Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. – Москва : Наука, 1987. – 440 с.

12. Волков, В. А. Войско грозного царя : в 2 томах / В. А. Волков. – Москва : Прометей, 2016. – Т. 1. – 322 с.

13. Володихин, Д. М. Воеводы Ивана Грозного / Д. М. Володихин. – Москва : Вече, 2009. – 320 с.

14. Володихин, Д. М. Полководцы Московского царства / Д. М. Володихин. – Москва : Молодая гвардия, 2020. – 343 с.

15. Ермолаев, И. П. Государственное управление Средним Поволжьем во второй половине XVI–XVII вв. : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ермолаев И. П. – Казань : [б. и.], 1982. – Приложение I: Список воевод и дьяков городов, подведомственных Приказу Казанского дворца (Поволжско-Приуральский регион). – С. 3–150.

16. Зимин, А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин // Исторические записки. – Москва : Наука, 1974. – Т. 94. – С. 271–301.

17. Зинько, М. А. Вотчина князя Семена Ивановича Микулинского: опыт изучения / М. А. Зинько // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции, 17–19 ноября 2011 г. – Москва : Московский государственный университет, 2011. – С. 59–63.

18. Зинько, М. А. Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV – середине XVI вв. (на примере рода князей Микулинских) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Зинько М. А. – Москва : [б. и.], 2012. – 500 с.

19. Зинько, М. А. «Не человек, но аггел Божий»: опыт изучения биографии князя Семена Ивановича Микулинского / М. А. Зинько // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2012. – № 1 (47). – С. 73–78.

20. Копанев, А. И. Куростровские столбцы XVI в. / А. И. Копанев // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вологда : [б. и.], 1970. – Вып. 1: Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению. Декабрь 1969. – С. 398–431.

21. Корзинин, А. Л. К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Часть 1 / А. Л. Корзинин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 2: История. – 2009. – Вып. 1. – С. 12–29.

²⁷ Таким образом, мне трудно согласиться как с М.А. Зинько, отрицающей опалу Микулинского, так и с Д.М. Володихиным, полагающим, что казанское воеводство стало для князя Семена прямым продолжением царской опалы. В то же время вывод С.Н. Попова и Д.М. Володихина о посылке Микулинского на Двину в результате царской немилости, на мой взгляд, находит подтверждение в источниках.

22. Корзинин, А. Л. Служилые люди Русского государства по данным Тысячной книги 1550 г. / А. Л. Корзинин // Клио. – 2014. – № 3 (87). – С. 50–55.
23. Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой / подготовка текстов и исследование Т. И. Шабловой. – Санкт-Петербург : Реноме, 2012. – 404 с.
24. Корсакова, В. Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанской губернией с 1708 года по 1908 г. включительно / В. Д. Корсакова. – Казань : Типо-литография Императорского университета, 1908. – 54 с.
25. Кром, М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – 888 с.
26. Лурье, Я. С. Холмогорская летопись / Я. С. Лурье // Труды Отдела древнерусской литературы. – Москва ; Ленинград : Наука, 1970. – Т. 25. – С. 135–149.
27. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 303/Л. Грамоты, копияльные книги Троице-Сергиевой Лавры. Кн. 532. Копийная книга 1641 г.
28. НИОР РГБ. Ф. 304/Л. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 814. Троицкий синодик 1660 г.
29. НИОР РГБ. Ф. 304/Л. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой Лавры. № 818. Троицкий синодик 1630-х гг.
30. НИОР РГБ. Ф. 304/Ш. Собрание ризницы Троице-Сергиевой Лавры. № 25. Троицкий синодик 1575 г.
31. Носов, Н. Е. Земская реформа на русском Севере XVI в. (Об отмене кормлений и введении земских учреждений) / Н. Е. Носов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. – Ленинград : Наука, 1967. – С. 131–156.
32. Носов, Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного / Н. Е. Носов. – Ленинград : Наука, 1969. – 602 с.
33. Носов, Н. Е. К вопросу о проведении земской реформы в Двинской земле XVI в. / Н. Е. Носов // Из истории феодальной России : статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1978. – С. 60–76.
34. Носов, Н. Е. Уложение о кормлениях и службе 1555–1556 гг. / Н. Е. Носов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 17. – С. 58–87.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 550. ОСПК. – F.IV.196. – Синодик Московского Богоявленского монастыря, 1670-е гг.
36. Пашкова, Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели / Т. И. Пашкова. – Москва : Древлекхранилище, 2000. – 216 с.
37. Пенской, В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей / В. В. Пенской. – Москва : Вече, 2012. – 320 с.
38. Пенской, В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. / В. В. Пенской. – Москва : Центрполиграф, 2017. – 255 с.
39. Плетнев, В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии / В. А. Плетнев. – Тверь : Тверская ученая архивная комиссия, 1903. – 519 с.
40. Подчасов, Н. А. Разрядные документы как источник по военно-административной деятельности рода князей Трубецких на службе Московского государства (вторая половина XVI – начало XVII века) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Подчасов Н. А. – Москва : [б. и.], 2018. – 207 с.
41. Полное собрание русских летописей. Том 6. Софийские летописи. – Санкт-Петербург : Типография Э. Праца, 1853. – 358 с.
42. Полное собрание русских летописей. Том 13. Часть 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1906. – 303–532 с.
43. Полное собрание русских летописей. Том 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1903. – 304 с.
44. Полное собрание русских летописей. Том 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Ленинград : Наука, 1977. – 250 с.
45. Попов, С. Н. Тверская знать на московской государственной службе в конце XV – первой половине XVI вв. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. Н. Попов. – Санкт-Петербург : [б. и.], 2006. – 203 с.
46. Послания Ивана Грозного / подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; перевод и комментарии Я. С. Лурье. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1951. – 715 с.
47. Псковские летописи / под редакцией А. Н. Насонова. – Москва : АН СССР, 1955. – Вып. 2. – 364 с.
48. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подготовил В. И. Буганов. – Москва : Наука, 1966. – 616 с.
49. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 1. Часть 2 / составил Н. Г. Савич. – Москва : [б. и.], 1977. – 189–406 с.
50. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том 2. Часть 1 / составил Н. Г. Савич. – Москва : [б. и.], 1981. – 219 с.
51. Разрядная книга 1550–1636 гг. Том 1 / составила Л. Ф. Кузьмина. – Москва : [б. и.], 1975. – 430 с.
52. Русская историческая библиотека. Том 14. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Часть 2. – Санкт-Петербург : Типография А. Катанского и К°, 1894. – 736 с.
53. Русская историческая библиотека. Том 25. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Книга 3. – Санкт-Петербург : Типография М. А. Александрова, 1908. – Приложение: Акты Лодомской церкви. – 213 с.
54. Русская историческая библиотека. Том 32. Архив П. М. Строева. Том 1. – Петроград : Типография Главного управления уделов, 1915. – 478 с.
55. Рыжова, Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского (Книжные центры Русского Севера) / Е. А. Рыжова. – Сыктывкар : Издательство Сыктывкарского государственного университета, 2000. – 371 с.
56. Сахаров, И. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря / И. Сахаров // Записки Отделения русского языка и славянской археологии Императорского археологического общества. – Санкт-Петербург : Типография Я. Трея, 1851. – Т. 1. – С. 46–105.
57. Сборник Грамот Коллегии экономии. Том 1: Грамоты Двинского уезда. – Петроград : [б. и.], 1922. – 498 с.
58. Сергеев, А. В. «К такому дураку добрый кто пристанет?»: Дело князя Семена Ростовского / А. В. Сергеев // Родина. – 2012. – № 5. – С. 58.
59. Титов, А. А. Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. / А. А. Титов // Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. – Москва : Издание И. А. Вахрамеева, 1906. – Вып. 5. – С. 1–115.
60. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подготовил к печати А. А. Зимин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 456 с.
61. Черкасова, М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. / М. С. Черкасова. – Москва : Археологический центр, 1996. – 335 с.

62. Эскин, Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю. М. Эскин. – Москва : Квадрига, 2009. – 512 с.

63. Rüß, H. Einige Bemerkungen zum Namestničestvo-Problem in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts / H. Rüß //

Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. – 1972. – Bd. 20. – Hf. 3 (September). – S. 403–411.

64. Waugh, D. Two Unpublished Muscovite Chronicles / D. Waugh // Oxford Slavonic Papers. New series. – 1979. – Vol. 12. – P. 1–31.

N.V. Belov

**WAS PRINCE SEMEN I. MIKULINSKY DISGRACED IN 1554–1558?
ON OFFICIAL STATUS OF DVINA VICEGERENCY AND KAZAN PROVINCE
IN THE MIDDLE OF THE 16th CENTURY**

The article analyzes the final period of Prince Semen I. Punkov Mikulinsky' biography as a serviceman. The author supposes that Prince Semen Mikulinsky spent part of this period in disgrace. A year after the boyar mutiny in 1553 he was exiled to the governorship in Kholmogory («to the Dvina river»). By the spring 1557 Prince was pardoned and appointed a great voivode (governor) of Kazan. Mikulinsky's final rehabilitation happened at the end of 1558, when he headed a campaign to Livonia. Another participant of the mutiny of 1553, Prince Peter M. Shenyatev fell into disgrace in a similar way. The article is devoted to the question of the status of Kholmogory and Kazan in the town hierarchy of the Russian State.

Dvina, Kholmogory, Kazan, governors, voivods, service aristocracy, Princes Mikulinsky, Ivan IV the Terrible.